

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

Е. Д. Суворов

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Судьба требований кредиторов к несостоятельному должнику и лицам, предоставившим обеспечение, при продаже требования о привлечении к субсидиарной ответственности

Резюме. Предметом настоящего исследования является вопрос о том, переходят ли к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности права требования кредитора к должнику, а также права, обеспечивающие исполнение обязательства должником, и иные связанные с ними права в случае продажи (уступки) должником требования о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Поводом для данной статьи послужила практика Верховного Суда РФ, в которой со ссылкой на солидарный характер соответствующих требований сделан вывод о переходе указанных прав в совокупности одновременно с продажей требования к привлеченному к субсидиарной ответственности лицу. В целом такой подход мотивирован необходимостью решения проблемы двойной ответственности (двойного взыскания), возникающей, по мнению Верховного Суда РФ, в случае изолированной уступки соответствующего требования. В статье критикуется подход Суда и обосновывается альтернативная точка зрения, в том числе исключающая проблему двойной ответственности должника и привлеченного к субсидиарной ответственности лица.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; солидарное обязательство; корреальное обязательство; множественность лиц; акцессорность

Для цитирования: Суворов Е. Д. Судьба требований кредиторов к несостоятельному должнику и лицам, предоставившим обеспечение, при продаже требования о привлечении к субсидиарной ответственности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 65–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

The Fate of Creditors' Claims against an Insolvent Debtor and Persons Providing Security in the Sale of a Claim for Imposition of Subsidiary (Vicarious) Liability

Evgeniy D. Suvorov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines whether, when a debtor sells (assigns) a claim for the imposition of subsidiary (vicarious) liability against a person controlling the debtor, the purchaser also acquires the creditor's claim against the debtor, the rights securing the debtor's performance of the obligation, and other rights related thereto. The study is prompted by the jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation and concludes, citing the joint and several nature of the relevant claims, that the aforementioned rights transfer jointly and concurrently with the sale of the claim against the person brought to subsidiary (vicarious) liability. This approach is generally justified as necessary to resolve the problem of double liability (double recovery) that, in the Supreme Court's view, may arise from an isolated assignment of the relevant claim. The paper criticizes the Supreme Court's

© Суворов Е. Д., 2026

reasoning and advances an alternative position, including solutions that eliminate the risk of double liability for both the debtor and the person held subsidiarily (vicarious) liable.

Keywords: subsidiary (vicarious) liability; solidary obligation; correal obligation; plurality of parties; accessoriness
Cite as: Suvorov ED. The Fate of Creditors' Claims Against an Insolvent Debtor and Persons Providing Security in the Sale of a Claim for Imposition of Subsidiary (Vicarious) Liability. *Lex russica*. 2026;79(1):65-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

Предметом настоящего исследования является вопрос о том, переходят ли к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности права требования кредитора к должнику, а также права, обеспечивающие исполнение обязательства должником, и иные связанные с ними права в случае продажи (уступки) должником такого требования о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица.

Речь идет о способе распоряжения соответствующим правом, предусмотренным статьей 61.17 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве): названная норма предполагает, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности может быть продано в деле о банкротстве должника, если за иной способ распоряжения (взыскание в деле о банкротстве) не высказалось большинство кредиторов.

Поводом для данной статьи послужила отдельная практика Верховного Суда РФ, в которой со ссылкой на солидарный характер соответствующих требований сделан вывод о переходе указанных прав в совокупности одновременно с продажей требования к привлеченному к субсидиарной ответственности лицу¹. В целом такой подход мотивирован необходимостью решения проблемы двойной ответственности (двойного взыскания), возникающей, по мнению Верховного Суда РФ, в случае изолированной уступки соответствующего требования.

В статье критикуется занятый Верховным Судом РФ подход и обосновывается альтернативная точка зрения, в том числе исключающая проблему двойной ответственности должника и привлеченного к субсидиарной ответственности лица.

Итак, продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности не влечет перехода требований кредиторов к должнику

и предоставившим обеспечение лицам ввиду следующего.

Прежде всего следует отметить, что закон прямо (предметно) не разрешает вопрос о том, переходят ли названные требования к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности, т.е. не содержит специальной нормы на этот счет. Не может вывод о переходе соответствующих требований ясно и недвусмысленно вытекать и из ординарного толкования норм материального права, равно как и из (мнимой) необходимости решения так называемой проблемы двойной ответственности.

В обоснование вышеуказанного утверждения могут быть приведены следующие аргументы.

1. Недопустимость передачи чужих прав

Прежде всего переход рассматриваемых требований не может иметь место, поскольку в силу буквального указания в законе требование о привлечении к субсидиарной ответственности принадлежит должнику, который является в таком правоотношении кредитором.

В соответствии с п. 6.1 ст. 61.17 Закона о банкротстве право требования о привлечении к субсидиарной ответственности продается по правилам, предусмотренным пунктом 2 ст. 140 названного Закона. В силу п. 2 ст. 140 Закона о банкротстве продажа прав требования должника осуществляется конкурсным управляющим в порядке и на условиях, которые установлены статьей 139 данного Закона. Следовательно, с точки зрения законодательных положений в данном случае требование о привлечении к субсидиарной ответственности рассматривается в качестве требования, принадлежащего должнику.

Аналогичный вывод следует из пп. 3 п. 2, п. 6 ст. 61.17 Закона о банкротстве, предусматривающего возможность уступки кредитором

¹ См., например: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.07.2024 № 308-ЭС22-21714 (3, 4, 5) по делу № А22-228/2021 ; от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2) по делу № А52-1553/2018 ; от 18.04.2025 № 310-ЭС19-21208 (4) по делу № А14-15213/2016.

части требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Сама по себе уступка требования предполагает замену кредитора в нем, следовательно, до такой уступки кредитором по нему является должник по делу о банкротстве.

Принадлежность требования должнику подтверждается также и тем, что именно должнику выдается исполнительный лист в отношении субсидиарного должника (п. 4 ст. 61.17 Закона о банкротстве). На переход требования прямо указывается и в п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53. То, что именно должник является правообладателем в отношении указанного требования, подтверждено и в определении Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-20755, далее — в п. 22 Обзора судебной практики № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021).

Так как никто не может передать прав больше, чем он имеет (*Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*), переход требований, не принадлежащих должнику, вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности невозможен.

В свою очередь, основные требования кредиторов к должнику, равно как и их требования к третьим лицам в силу предоставленного обеспечения исполнения обязательств должника, принадлежат на момент продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности кредиторам, а не должнику по делу о банкротстве.

При этом молчание кредитора не может быть квалифицировано как волеизъявление на отчуждение его имущества — требования к должнику и лицам, его обеспечившим. Так, следует иметь в виду, что продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности является способом распоряжения, действующим по умолчанию. Следовательно, такой способ будет применяться в случае, когда ни один из кредиторов не выразит волю на использование иных способов, т.е. в том числе не выразит волю вообще.

В свою очередь, из молчания кредитора не может быть выведена его воля на отчуждение его имущества — принадлежащего именно ему требования к основному должнику и (или) к третьим лицам, обеспечившим исполнение обязательства основного должника. Так, согласно п. 3 ст. 158 ГК РФ молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением

сторон. Ни закона, ни соглашения для таких случаев не имеется, в связи с чем требование не может предполагаться перешедшим вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности. По тем же основаниям из молчания не может выводиться и предоставление полномочия управляющему на отчуждение такого требования.

Поскольку никто не может передать прав больше, чем он имеет, а полномочие управляющему на отчуждение требований, принадлежащих кредиторам, не предоставлялось, управляющий не может передать кому-либо права требования к основному должнику, которыми владеют кредиторы. Следовательно, не может быть признано правильным толкование, при котором кредитор лишается своего имущества — требования к должнику — без выражения воли на это.

2. Отсутствие оснований для применения нормы о переходе связанных с уступаемым требований (ст. 384 ГК РФ)

Рассматриваемые требования не могут переходить и по правилам, предусмотренным статьей 384 ГК РФ, так как при ординарном толковании не могут быть признаны связанными по отношению к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности.

В силу п. 1 ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

По сути, применение правил, предусмотренных пунктом 1 ст. 384 ГК РФ, предполагает разрешение вопроса о том, являются ли требования кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, требованиями, связанными с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, по смыслу ст. 384 ГК РФ. Иными словами, это вопрос о том, что понимается под связанными с требованием правами, или о том, что ими точно не является. Права, связанные с требованием, не являются по смыслу ст. 384 ГК РФ самостоятельными требованиями, а имеют дополнительный характер. При ином толковании такая связь может

пониматься максимально широко: в частности, связанными, например, являются требования в долевом обязательстве, но очевидно, что уступка требования к одному должнику в его доле не повлечет за собой уступку к другому должнику в его доле.

Одновременная уступка солидарных требований к разным должникам в пассивной множественности, как представляется, не охватывается категорией «связанные права», а может основываться лишь на иных предпосылках. Однако даже в случае признания распространения п. 1 ст. 384 ГК РФ на ситуации уступки одного из солидарных требований в пассивной множественности требования кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, не могут считаться перешедшими одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, так как не являются солидарными по смыслу действующего законодательства.

3. Отсутствие оснований позиции Верховного Суда РФ о том, что подобные требования являются солидарными, в действующем законодательстве

Так, позиция о солидарности рассматриваемых требований не основана ни на тексте закона, ни на его сложившемся толковании.

В свою очередь, иная позиция, изложенная в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025), вступает в противоречие с понятием солидарного обязательства исходя из действующего законодательства; не является единообразной для всех сходных случаев; представляется новой и непоследовательной.

4. Противоречие понятию солидарного обязательства, вытекающему из закона

Пункт 1 ст. 322 ГК РФ закрепляет основания возникновения солидарной обязанности (ответственности) как одной из разновидностей правового режима обязательств с множественностью лиц на стороне должника или кредитора.

В силу данного положения солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена до-

говором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

Согласно ст. 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга; кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников; солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью. Статья 325 ГК РФ предусматривает, что исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитор (п. 1); если иное не вытекает из отношений между солидарными должниками, должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого, а неуплаченное одним из солидарных должников должнику, исполнившему солидарную обязанность, падает в равной доле на этого должника и на остальных должников (п. 2) (постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2025 № 11-П).

Как видно из приведенных положений даже при буквальном толковании, речь в них идет о едином обязательстве со множественностью лиц на стороне должника, но не о разных обязательствах.

Вместе с тем неприменимость норм о солидарном обязательстве к случаям нескольких обязательств, связанных, например, через так называемый погашающий эффект, подтверждается следующим.

Во-первых, каждый из солидарных содолжников в едином обязательстве не вправе выдвигать против кредитора возражения, основанные на таких отношениях других содолжников друг с другом, в которых он не участвует (ст. 324 ГК РФ). Однако это не так в случае, когда речь идет об основном обязательстве и обязательстве поручителя (данную связь иногда приводят в качестве примера связи через погашающий эффект), поскольку поручитель вправе выдвигать возражения основного должника против кредитора (п. 1 ст. 364 ГК РФ).

Во-вторых, последствием исполнения одним из содолжников солидарного обязательства является приобретение им права на регрессные требования к оставшимся содолжникам, т.е. так

называемая разверстка или раскладка долга на всех содолжников (ст. 325 ГК РФ). Указанное последствие как нельзя лучше подтверждает природу солидарного обязательства — единый долг всех содолжников, которые по общему правилу обязаны участвовать в его погашении (об ином они могут договориться). Между тем иная ситуация в случае исполнения чужого обязательства, например, поручителем. В силу правопреемства он становится на место кредитора (суброгация) и относит все исполнение на счет основного должника (ст. 365 ГК РФ).

В литературе, поддерживающей применение норм о солидаритете к различным обязательствам, прямо признается, что соответствующие требования в классическом представлении не являются солидарными, а нормы о солидаритете предлагается применять лишь по аналогии. Так, даже сторонники более расширительного подхода на будущее признают, что речь идет об отклонении от текста закона и сложившихся доктринальных подходов.

Н. В. Тололаева признает, что в «ГК РФ закреплена позиция, согласно которой пассивное солидарное обязательство — это единое обязательство со множественностью лиц на стороне должника»². Она же указывает на то, что в российской доктрине и судебной практике субсидиарные обязательства не отождествляются с солидарными³. А. В. Егоров пишет, что правила ст. 322–325 ГК РФ рассчитаны на солидарные обязательства, возникшие из одного основания⁴. В работе Н. В. Тололаевой, которую иногда приводят в качестве правового обоснования позиций Верховного Суда РФ о солидарности нескольких обязательств, возникающих из разных оснований, по мотиву их направленности на удовлетворение общего экономического интереса, также отмечается наличие в

немецкой литературе деления соответствующих ситуаций на «настоящие» и «ненастоящие» солидарные обязательства, приводятся примеры из практики Федерального суда Швейцарии с соответствующей терминологией, указывается на незавершенность дискуссии о «настоящих» и «ненастоящих» солидарных обязательствах⁵.

Различие между единым солидарным обязательством и несколькими обязательствами, направленными на удовлетворение общего экономического интереса, проводится и в иных правопорядках. Так, во Франции как доктрина, так и судебная система⁶ различают солидарное обязательство (единый долг), т.е. *l'obligation solidaire*, и обязательства *in solidum*. При этом отмечается⁷, что последнее — изобретение судебной практики (*jurisprudence*), в ФГК речь идет только о солидарном обязательстве (ст. 1310–1319)⁸. Указывается, что между ними имеются и практические различия⁹. О едином долге, возникшем из одного основания, пишет и Л. Жюллио де ла Морандьер: «Права кредитора в отношении солидарных должников и предоставленные каждому из должников средства защиты основываются на двойственной концепции наличия единого долга с единым предметом и единым основанием, каждый из которых, лично и особо от других, отвечает за уплату этого долга полностью»¹⁰.

Обратим внимание на то, что ранее судебная практика в сходных случаях не признавала обязательства солидарными. Так, в п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 прямо говорится, что поручитель не является содолжником в обеспеченном поручительством обязательстве. Это означает, что в данном случае не образуется пассивной солидарной множественности, где имеет место участие содолжников.

² Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020. 144 с.

³ Тололаева Н. В. Указ. соч.

⁴ Егоров А. В. Актуальные проблемы солидаритета в обязательственном праве // *Цивилистика*. 2024. № 2.

⁵ URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/59980576/>.

⁶ Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 19 juillet 1982, 80-12.877 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007011050>.

⁷ URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_\(droit_français\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_(droit_français)).

⁸ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA0000032031314/#LEGISCTA0000032031314.

⁹ URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_\(droit_français\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_(droit_français)).

¹⁰ Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / пер. Е. А. Флейшиц. Т. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. С. 637–638.

Практика, которая разрешала проблемы конкуренции требований, заявляемых с целью удовлетворения одного экономического интереса, не использовала фикцию признания таких требований солидарными, а указывала на возможность удовлетворения всех требований до момента фактического исполнения первого из них. Так, соответствующий подход был изложен в п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63, согласно которому при наличии двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи и о виндикации вещи у иного лица) если будет исполнен один судебный акт, то исполнительное производство по второму судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; если будут исполнены оба судебных акта, то по позднее исполненному осуществляется поворот исполнения в порядке ст. 325 АПК РФ. Данная позиция впоследствии подтверждалась и на уровне судебных коллегий Верховного Суда РФ, например в определении Суда от 15.11.2018 № 305-ЭС18-9344.

Не имелось указаний на солидарность требований о применении последствий недействительности сделки общества и о взыскании с руководителя общества убытков, причиненных такой сделкой, в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62. Так, в силу названного пункта удовлетворение требования о взыскании с директора убытков не зависит от того, имелась ли возможность возмещения имущественных потерь юридического лица с помощью иных способов защиты гражданских прав, например путем применения последствий недействительности сделки, истребования имущества юридического лица из чужого незаконного владения, взыскания неосновательного обогащения, а также от того, была ли признана недействительной сделка, повлекшая причинение убытков юридическому лицу. Однако в случае, если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь посредством иных мер защиты, в том числе путем взыскания убытков с непосредственного причинителя вреда (например, работника или контрагента), в удовлетворении требования к директору о возмещении убытков должно быть отказано. Данная позиция в том же виде без ссылки на солидарность соответствующих требований была при-

менена далее в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.01.2014 № 9324/13, определении Верховного Суда РФ от 23.01.2017 № 307-ЭС15-19016.

В определении от 09.10.2017 № 308-ЭС15-6280 Верховный Суд РФ исходил из того, что действующее законодательство допускает защиту конкурсной массы как путем предъявления арбитражным управляющим иска о признании недействительной первой сделки об отчуждении имущества должника и применении последствий ее недействительности в виде взыскания стоимости отчужденного имущества с первого приобретателя (ст. 61.1, 61.6 Закона о банкротстве), так и путем предъявления иска об истребовании этого же имущества из незаконного владения конечного приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ). По смыслу разъяснений, данных в абз. 4 и 5 п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”», виндикационный иск не подлежит удовлетворению, если к моменту его рассмотрения стоимость вещи уже будет полностью возвращена должнику стороной первой сделки. В иных случаях допускается вынесение двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи с первого приобретателя и о виндикации той же вещи у конечного приобретателя). При наличии таких судебных актов, если один из них будет исполнен, исполнительное производство по второму оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Соответственно, правовые механизмы, ограничивающие возможность должника восстановить владение вещью и одновременно получить денежные средства, составляющие ее стоимость, подлежат применению на стадии исполнения судебных актов.

В определении от 21.12.2020 № 305-ЭС20-15076 Верховный Суд РФ признал допустимым инициирование кредитором дела о банкротстве должника по реституционному требованию наряду с удовлетворенным иском кредитора о взыскании убытков, причиненных ему третьими лицами посредством тех же обстоятельств, что и послужили основанием для возникновения реституционного требования, если

требование о возмещении убытков не исполнено на момент инициирования дела о банкротстве. В определении Верховного Суда РФ от 09.02.2023 № 301-ЭС18-395 (4) прямо указано на то, что нормы о солидарных обязательствах могут быть применены к требованиям, возникшим из разных оснований, лишь для решения вопроса о двойном исполнении. Следовательно, даже признается, что речь не идет о солидарных обязательствах; по существу, соответствующие нормы лишь находят подходящими для решения проблемы двойного взыскания в конкретном деле.

Судебная практика в сходных случаях ранее не предполагала переход одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности требований к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение.

В силу п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 право на получение стимулирующего вознаграждения возникает у арбитражного управляющего как в случае взыскания денежных средств в конкурсную массу в результате исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности, так и в случае поступления денежных средств в результате продажи требования к контролирующему должника лицу на торгах по правилам п. 2 ст. 140 Закона о банкротстве.

Между тем арбитражный управляющий является текущим кредитором по требованиям о выплате вознаграждения; такие требования учитываются при определении размера субсидиарной ответственности. Следовательно, Верховный Суд РФ допускает сохранение требования о выплате стимулирующего вознаграждения у арбитражного управляющего после продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Однако данное требование явно является связанным с требованиями управляющего, учтенными в составе проданного требования о привлечении к субсидиарной ответственности, и должно переходить вместе с такими требованиями, если соответствующий переход предполагался по мотиву солидаритета. Однако подобное разъяснение, напротив, исходит из сохранения требования у управляющего, в связи с чем Верховный Суд РФ не предполагал переход требований управляющего к приобретателю требования из субсидиарной ответственности.

Из сохранения соответствующих прав кредиторов после продажи требования о при-

влечении к субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ исходил и в определении от 25.05.2023 № 307-ЭС22-27948, когда предписывал определить, кому именно перешло требование о привлечении к субсидиарной ответственности — приобретателю или кредитору, поздно запросившему уступку части требования себе.

Следует признать, что судебная практика в настоящее время является противоречивой — в сходных случаях допускает и не допускает признание обязательств солидарными.

В определении от 12.05.2025 № 305-ЭС24-12635 Верховный Суд РФ поставил под сомнение признание солидарными обязательства из договора и обязательства вследствие причинения вреда в результате неисполнения первого. В определении от 14.11.2024 № 305-ЭС24-13352 Верховный Суд РФ не стал использовать конструкцию солидаритета для обязательств контролирующего лица по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности и по возмещению убытков, хотя они в части, относящейся на кредиторов, тоже направлены на удовлетворение одного экономического интереса.

В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 16.10.2024 № Ф09-6043/24 по делу № А47-6556/2023 не признаны солидарными обязательство управляющего по возмещению убытков и обязательство страховщика, застраховавшего ответственность такого управляющего, по выплате страхового возмещения.

Излагаемый в настоящей статье подход основан на том, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности является субсидиарным, а не солидарным обязательством, в связи с чем нормы о солидарных обязательствах к ним не подлежат применению. Так, ответственность субсидиарного должника является самостоятельным обязательством по чужому долгу, которое может быть приведено в исполнение исключительно в случае, когда исполнение основным должником (или иными лицами за него в силу обеспечения) оказалось окончательно невозможным.

Подтверждается указанное разделение и в сравнительно-правовом аспекте. Так, во Франции проводится разграничение обязательства субсидиарного должника по чужому долгу и солидарного обязательства со множественностью содолжников по одному долгу. В частности, отмечается, что случаи субсидиарной ответственности гаранта не следует смешивать с солидар-

ностью содолжников в одном обязательстве¹¹. При этом указывается, что субсидиарность обязательства есть характеристика момента, когда возможно предъявление соответствующего требования, — только после неисполнения основного должника; такое соотношение раскрывается через «ранги» обязательств (основное — первого ранга, субсидиарное — второго). Субсидиарным является то обязательство, которое может быть пущено в ход только вторым. Понятие субсидиарности несет в себе идею ранжирования исков (требований): основное предъявляется первым, субсидиарное — вторым¹². При этом необходимо напомнить, что законом не предусмотрено следование основного требования за дополнительным.

Требование о привлечении к субсидиарной ответственности, как и любое субсидиарное обязательство, может рассматриваться как дополнительное по отношению к основному (в данном случае — к требованиям кредиторов к должнику). В этой связи продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности есть уступка дополнительного требования. В таком контексте уступка дополнительного требования не может влечь одновременно уступку и основного, поскольку именно дополнительное должно следовать за основным (ст. 384 ГК РФ), а не основное за дополнительным. Так, акцессорность проявляется лишь для дополнительных обязательств, но не основных: именно акцессорное обязательство зависит от основного, но не наоборот. В данном случае следует признать, что речь идет об изолированной уступке субсидиарного (дополнительного) обязательства, которая допускается на уровне судебной практики (в том числе Верховного Суда РФ).

Решение проблемы двойной ответственности не может служить обоснованием распространения на различные обязательства норм о солидарных обязательствах.

Судебная практика Верховного Суда РФ, допускающая признание солидарными требования о привлечении к субсидиарной ответственности, требований кредиторов к основному должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, направлена на разрешение якобы имеющей место проблемы двойной ответственности. Так, именно необходимостью разрешения указанной проблемы мотивирована

позиция в определениях Верховного Суда РФ от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2), от 05.07.2024 № 308-ЭС22-21714 (3, 4, 5). Между тем нормы материального права должны толковаться по их смыслу, а соответствующие категории применяться в соответствии с их назначением, что не позволяет использовать не предусмотренные для соответствующих случаев инструменты только потому, что по своим последствиям они якобы ведут к искомому решению. В противном случае речь идет о нарушении логических законов: следствие (искомый правовой результат) идет за причиной (норма), а не наоборот.

В то же время, как будет показано ниже, так называемая проблема двойной ответственности решается при правильном толковании норм о субсидиарных обязательствах.

С учетом природы субсидиарных обязательств решение проблемы двойной ответственности принципиально возможно и без признания обязательств солидарными.

Проведение различия между субсидиарной ответственностью по чужому долгу и солидарным обязательством с пассивной множественностью решает проблему двойной ответственности при изолированной уступке требования к субсидиарному должнику, что подтверждается следующим.

Природа субсидиарной ответственности состоит, помимо прочего, в том, что ответственный должник исполняет обязательство основного должника после установления факта недостаточности средств у первого. Соответственно, в такой ответственности имманентно заложена принципиальная последовательность. Если это так, то в полном объеме требование к субсидиарному должнику созревает после наступления данного факта — окончательного отсутствия возможности получить исполнение от должника и предоставленных им средств обеспечения. Следовательно, уступка требования о привлечении к субсидиарной ответственности до наступления указанного момента есть уступка будущего требования со всеми вытекающими последствиями. Такая уступка считается состоявшейся в момент возникновения требования (обнаружения окончательного отсутствия средств), как это следует из п. 2 ст. 388.1 ГК РФ. Здесь налицо продолжение максимы, согласно которой никто не может

¹¹ *Maromont C. A. de. Les obligations subsidiaires // RTDCiv. Revue trimestrielle de droit civil. 2018. No. 2. P. 305–326. hal-01695111. P. 10.*

¹² Цит. по: *Maromont C. A. de. Op. cit.*

передать прав больше, чем он имеет. Отсюда вытекает, что требование к субсидиарному должнику переходит не в момент соглашения об уступке, а в момент его возникновения (обнаружения окончательного отсутствия возможности у должника или третьих лиц за счет должника удовлетворить требования кредиторов). Расчеты субсидиарного должника до этого момента носят не более чем предварительный характер применительно к погашению требования, если и когда оно возникнет и перейдет к приобретателю. Если они превышают объем в итоге перешедшего требования, такое превышение подлежит возврату.

Соответственно, при подобном понимании природы субсидиарной ответственности (как дополнительной последовательной ответственности по чужому долгу) никакой двойной ответственности при изолированной уступке субсидиарного долга не возникает: такое требование будет исполнено лишь в объеме, который должник погасить в принципе не может, о чем говорилось выше.

Что касается поручителей, исполняющих обязательство должника после соглашения об уступке субсидиарной ответственности (залогодателей — третьих лиц), то требование в указанной части к приобретателю в момент его возникновения тоже не переходит, так как распорядительная власть на переход данного требования принадлежит исполнившему поручителю (залогодателю — третьему лицу), а не кредитору, получившему исполнение. Поскольку субсидиарная ответственность является последним средством получения исполнения, то следует презюмировать, что недостаточность окончательно считается установленной в момент, когда у кредиторов отсутствуют иные способы получения исполнения в принципе за счет должника и предоставленных им средств обеспечения (поручительства, залога).

С точки зрения механизма реализации требования из субсидиарной ответственности речь идет о следующем.

Если такая реализация имеет место до установления окончательной невозможности удовлетворения требования за счет должника и лиц, предоставивших обеспечение его обязательств, то соответствующим договором будет договор об уступке будущего требования (ст. 388.1 ГК РФ). Объем данного требования, что важно, не может быть определен на дату заключения договора, что соответствует сущности отношений по приобретению будущих

требований: в подобных случаях может быть неизвестен не только объем, но и в принципе перспективы возникновения требования в будущем. Так, в силу п. 1 ст. 388.1 ГК РФ требование по обязательству, которое возникнет в будущем (будущее требование), в том числе требование по обязательству из договора, который будет заключен в будущем, должно быть определено в соглашении об уступке способом, позволяющим идентифицировать это требование на момент его возникновения или перехода к цессионарию. Следовательно, для подобных случаев не требуется определения объема возможного к переходу в будущем требования. С учетом изложенного указание объема требования о привлечении к субсидиарной ответственности при его продаже по правилам ст. 61.17 Закона о банкротстве в ситуации, когда это требование еще не возникло и не определен его объем, есть не более чем способ определения верхнего предела такого возможного требования и не свидетельствует о приобретении требования именно в названном объеме.

Данное требование в силу п. 2 ст. 388.1 ГК РФ перейдет к цессионарию (приобретателю требования из субсидиарной ответственности) в момент его возникновения. Так как требование к субсидиарному должнику возникает в момент установления окончательной невозможности удовлетворения требования за счет должника и третьих лиц, предоставивших обеспечение, до этого момента будущий цессионарий, заключивший договор уступки права, не имеет права по отношению к субсидиарному должнику. Следовательно, все платежи, которые им будут получены до указанного момента возникновения требования, не являются платежами в погашение долга из субсидиарной ответственности. Такие платежи могут рассматриваться как платежи в счет возможного появления у приобретателя требования из субсидиарной ответственности и потому в момент получения еще не погашают потенциального долга. Следовательно, эти платежи не уменьшают размер обязательств должника, который наряду с третьими лицами, предоставившими обеспечение, может погашать их и далее. В свою очередь, все платежи, которые будут совершены должником или третьими лицами, предоставившими обеспечение, после заключения договора с приобретателем требования из субсидиарной ответственности, уменьшают размер обязательств должника и, следовательно, приводят к уменьшению потенциального

требования из субсидиарной ответственности. Помимо прочего, такие платежи могут быть осуществлены должником за счет покупной цены будущего требования из субсидиарной ответственности, что вовсе не противоречит существу складывающихся отношений и разумно может быть учтено цессионарием в момент изъявления согласия на цену приобретения.

После того как требование из субсидиарной ответственности возникнет в том объеме, который не смогли погасить ни должник, ни третьи лица, предоставившие обеспечение, ранее переданные субсидиарным должником цессионарию платежи могут быть засчитаны в счет погашения долга из субсидиарной ответственности. Если такие платежи меньше долга из субсидиарной ответственности, то вопроса о двойной ответственности не возникает. Если же они превышают долг из субсидиарной ответственности, то в части превышения представляют собой неосновательное обогащение, поскольку основания (каузы) для них не имеется. При таком подходе двойной ответственности тоже не возникает, поскольку цессионарий должен будет вернуть должнику из субсидиарной ответственности соответствующее превышение.

Очевидно также, что именно с этого момента цессионарий, имея возникшее требование к субсидиарному должнику, вправе осуществлять такое право в сложившемся объеме против субсидиарного должника.

В указанном контексте интерес будущего цессионария субординирован по отношению к интересу кредиторов, что вытекает из самого факта осознанного приобретения акцессорного требования к дополнительному субсидиарному должнику.

Следует также иметь в виду, что цессионарий приобретает лишь требования к субсидиарному должнику, а потому не имеет требований из обеспечения в отношении основных обязательств должника.

С учетом изложенного предложенный подход в принципе не предполагает конкуренции между цессионарием и кредиторами, так как цессионарий получает лишь остаток долга с субсидиарного должника, к которому у кредиторов требований не имеется; при этом цессионарий не имеет требований ни к должнику, ни к лицам, предоставившим обеспечение. Подобный подход не может привести и к двойной ответственности должника и субсидиарного должника: цессионарий не может получить более, чем остаток долга основного должника после

использования кредиторами всех возможностей для получения удовлетворения их требований от должника и лиц, предоставивших обеспечение. Данный подход не нарушает и разумно понимаемых интересов цессионария: выше уже говорилось о том, что указанное лицо заведомо приобретает акцессорное требование к дополнительному должнику, а потому в общем виде предполагает зависимость такого требования от результатов развития правоотношений по основному обязательству и локальным (сингулярным) обеспечениям.

5. Оценка альтернативных способов решения проблемы двойной ответственности (конкуренции цессионария и кредиторов)

Следует при этом отметить, что требование цессионария к субсидиарному должнику и требования кредиторов к должнику и лицам, предоставившим обеспечение, не образуют солидарной активной множественности (ст. 326 ГК РФ), поскольку они обращены к разным лицам (должник и лица, предоставившие обеспечение, — кредиторы; субсидиарный должник — цессионарий), что для такой множественности нехарактерно ввиду отсутствия единого общего долга.

Кроме того, такое признание само по себе не решает потенциальной проблемы конкуренции цессионария и кредиторов, поскольку вновь ставит вопрос о необходимости распределения полученного между всеми сокредиторами (п. 4 ст. 326 ГК РФ), а также погашении требований кредиторов при получении исполнения цессионарием (п. 3 ст. 326 ГК РФ), что противоречит необходимости субординации требования цессионария.

Если попробовать предложить альтернативный способ решения проблемы двойной ответственности через признание требований солидарными в смысле активной множественности кредиторов, это возможно через признание подчинения (в широком смысле — субординации) требований. В целом такая субординация может быть основана и на п. 4 ст. 326 ГК РФ, который предполагает учет существа отношений между сокредиторами. Так, в силу названного положения солидарный кредитор, получивший исполнение от должника, обязан возместить причитающееся другим кредиторам в равных долях, если иное не вытекает из отношений между ними. Отношения между цессионарием

и кредиторами обладают определенной спецификой, которая подлежит учету для определения внутренних отношений между такими сокредиторами (в широком смысле). Данные отношения основаны, во-первых, на акцессорности требования к субсидиарному должнику по отношению к требованиям к основному должнику. Во-вторых, кредиторы, отчуждая требование к субсидиарному должнику, очевидно, не могут претендовать на исполненное именно этим субсидиарным должником. В-третьих, отчуждение требования из субсидиарной ответственности, бесспорно, не должно ухудшать положение основных кредиторов, для которых такая субсидиарная ответственность является дополнительным средством защиты.

Для целей внутренних отношений цессионария и кредиторов указанная специфика должна приводить к следующему. Поскольку требование кредитора к субсидиарному должнику имеет акцессорный характер по отношению к требованиям кредиторов к основному должнику, то любое исполнение, произведенное должником или третьими лицами за него в пользу кредиторов после продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, изменяет объем требования к субсидиарному должнику. Следовательно, такой субсидиарный должник не будет обязан к исполнению более, нежели осталось неисполненным со стороны должника и третьих лиц за него, а потому невозможна ситуация, когда регрессное требование субсидиарного должника после исполнения (п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве) приведет к превышению объема исполнения должником.

В свою очередь, исполнение субсидиарным должником до момента, когда исчерпаны все возможности получения удовлетворения от основного должника или третьих лиц, предоставивших обеспечение, приведет к постановке вопроса о двойной ответственности лишь в случае, когда такое исполнение вместе с полученным кредиторами от должника и третьих лиц (в том числе после исполнения субсидиарным должником) превысит объем задолженности основного должника. В условиях акцессорности требования к субсидиарному должнику и вытекающего отсюда субординированного характера требования цессионария это будет означать, что цессионарий, получивший от субсидиарного должника исполнение, должен будет вернуть сумму превышения соответствующему субсидиарному должнику. В данном случае суборди-

нация требования цессионария по отношению к требованиям кредиторов предполагает зависимость размера итогового удовлетворения от обстоятельств получения удовлетворения старшими кредиторами, т.е. основными кредиторами по отношению к должнику. Раз это так, то объем итогового требования цессионария (младшего кредитора) к субсидиарному должнику может быть полностью определен лишь после завершения получения исполнения старшими кредиторами. Возврат суммы превышения субсидиарному должнику приведет к тому, что размер его регрессного требования не сможет в совокупности с исполнением должника и третьих лиц, предоставивших обеспечение, превышать общий объем задолженности. При указанном толковании сама по себе изолированная уступка акцессорного требования также не создает проблемы двойной ответственности.

В силу п. 4 ст. 364 ГК РФ поручитель, который приобрел права созалогодержателя или права по иному обеспечению основного обязательства, не вправе осуществлять их во вред кредитору, в том числе не имеет права на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости заложенного имущества до полного удовлетворения требований кредитора по основному обязательству. Расширительное толкование названного положения может привести к следующему выводу: приобретение требования к лицу, обеспечившему основное обязательство, до полного удовлетворения основного обязательства перед кредитором, также имеющим право на то же обеспечение, не может такое требование осуществить. Это выводимое положение решает проблему конкуренции требований цессионария и кредиторов по отношению к лицу, предоставившему обеспечение. Теоретически это могут быть сам субсидиарный должник (в широком смысле — как лицо, исполняющее чужое обязательство, а именно обязательство должника) и лица, предоставившие обеспечение за основного должника. В первом случае надо допустить, что кредиторы сохраняют свои требования к субсидиарному должнику, что противоречит существу отношений (продаже такого требования), во втором — что к цессионарию переходят требования к лицам, предоставившим обеспечение. Даже если не учитывать предшествующие выводы относительно отсутствия данного перехода, следует отметить, что названное положение не решает проблему конкуренции требований цессионария и требований кредиторов по отношению к

основному должнику, а ее необходимо будет решать, так как переход требований из обеспечения может быть обоснован лишь переходом требований к основному должнику.

Есть еще одно замечание по поводу решения проблемы через п. 4 ст. 364 ГК РФ: субординация требований поручителя основана на том, что именно он принял на себя обязательство отвечать перед кредитором, следовательно, его поведение в ущерб полному получению удовлетворения кредитором является противоречащим его предшествующему поведению, что недопустимо (*venire contra factum proprium*, запрет противоречивого поведения). Однако такое возражение не может без дополнительного обоснования предъявляться цессионарию. В самом широком виде цессионарию могут быть противопоставлены лишь приобретение подчиненного требования и потому необходимость субординации интересов, но для этого нет нужды ссылаться на п. 4 ст. 364 ГК РФ. Правило о недопустимости противоречивого поведения закреплено в п. 4 ст. 1 ГК РФ и конкретизировано в зависимости от обстоятельств в ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Следует также обратить внимание на то, что сама по себе изолированная уступка требования, связанного через так называемый погашающий эффект с другим требованием, не противоречит закону, что подтверждается на уровне судебной практики.

Прежде всего сама дискуссионная практика Верховного Суда РФ допускает согласование изолированной уступки требования о привлечении к субсидиарной ответственности (например, определение Верховного Суда РФ от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2)). В постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 16.12.2020 № Ф10-3042/12 по делу № А14-10202/2012 сделан вывод, согласно которому действующее законодательство не содержит запрета на уступку прав по договору ипотеки отдельно от уступки прав по основному, обеспеченному ей обязательству. Согласно правовой позиции, выраженной в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 06.12.2021 № Ф09-8991/21 по делу № А50-2387/2018, положения действующего гражданского законодательства не содержат прямого запрета на уступку права требования к поручителю отдельно от прав по обеспеченному обязательству; при этом поручитель сохраняет право на предъявление новому кредитору возражений, которые могли быть заявлены к

прежнему кредитору, в том числе со ссылкой на основное обязательство. Если изолированная уступка в принципе допустима, это возможно и в случае с уступкой акцессорного требования о привлечении к субсидиарной ответственности.

6. Неравное положение приобретателей требований из субсидиарной ответственности и лиц, удовлетворяющих требования кредиторов

Решение, согласно которому одновременно с уступкой требования о привлечении к субсидиарной ответственности переходят все требования кредиторов к должнику и к третьим лицам, ставит в неравное положение приобретателей требований из субсидиарной ответственности и лиц, удовлетворяющих требования кредиторов, что нарушает принцип равенства и потому не может предполагаться.

Как следует из ст. 113, 125 Закона о банкротстве, удовлетворение интереса в приобретении требования к должнику в сумме требований его кредиторов осуществляется посредством погашения таких требований в полном объеме. В свою очередь, приобретение требования о привлечении к субсидиарной ответственности, осуществляемое на торгах, всегда будет предполагать меньшие затраты, поскольку объектом продажи будет требование к субсидиарному должнику в объеме, не превышающем совокупный объем требований кредиторов, дисконтируемое от такого совокупного объема в зависимости от перспектив получения удовлетворения от субсидиарного должника. На практике подобное дисконтирование приводит к приобретению требования к субсидиарному должнику за сумму, в десятки, сотни и даже тысячи раз меньшую, чем номинальный объем соответствующего требования. Например, практически в тысячу раз составило кратное отклонение цены приобретения требования о привлечении к субсидиарной ответственности в деле, в рамках которого выносилось определение Верховного Суда РФ от 25.05.2023 № 307-ЭС22-27948: «Согласно протоколам об определении участников торгов от 16.09.2021 и о результатах торгов от 17.09.2021 победителем торгов признана консалтинговая группа, подавшая 10.09.2021 заявку на участие в торгах и предложившая в ходе торгов 1 400 000 руб. за требование о привлечении к субсидиарной ответственности на сумму около 1,3 млрд руб.». Отсюда следует, что при признании требова-

ний к должнику перешедшими одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности один и тот же интерес — приобретение требования к должнику в размере его совокупной задолженности — потенциально может удовлетворяться на неравных условиях (без дисконта и со значительным дисконтом в части затрат).

Впрочем, толкование законов не может быть произвольным. Оно подчиняется ст. 18 Конституции РФ, в силу которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, при выборе варианта толкования суд выбирает то, которое приводит к реализации таких прав и свобод, а не создает препятствия для этого. В свою очередь, в силу ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Из указанного следует, что закон не может быть истолкован в том смысле, что вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности переходят и требования к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение, поскольку это приводит к нарушению принципа равенства.

7. Невозможность истолкования закона как допускающего обход норм о правилах приобретения требования к должнику в размере его совокупной задолженности

С учетом вышеизложенного способом приобретения требования к должнику в размере его совокупной задолженности является удовлетворение требований кредиторов в порядке, предусмотренном статьями 113, 125 Закона о банкротстве. В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Достижение целей (приобретение требования к должнику) способом, который не подразумевался законом и влечет нарушение защищаемых интересов кредиторов (на удовлетворение их требований), представляет собой обход норм, изложенных в ст. 113, 125 ГК РФ. Последствием обхода закона

является лишение обходящего такой закон преимуществ своего поведения (п. 2 ст. 10 ГК РФ), следовательно, для данной конкретной ситуации — отказ в признании требований кредиторов перешедшими к приобретателю требования из субсидиарной ответственности.

8. Невозможность истолкования закона как лишаящего имущества без справедливого возмещения

Как следует из п. 7 ст. 61.17 Закона о банкротстве, правила настоящей статьи не применяются к делам о банкротстве лиц, особенности банкротства которых регулируются параграфом 7 гл. IX названного Закона. В таких делах суммы по требованиям о привлечении к ответственности подлежат взысканию в рамках дела о банкротстве или права требования подлежат реализации по правилам ст. 140 данного Закона. К делам о банкротстве лиц, особенности банкротства которых регулируются параграфами 4 и 4.1 гл. IX Закона о банкротстве, правила упомянутой статьи применяются в случаях, если это предусмотрено положениями указанных параграфов. Это означает, что кредиторы в таких делах лишены возможности получения части требования к субсидиарному должнику и вынуждены выбирать между продажей требования о привлечении к субсидиарной ответственности и взысканием с субсидиарного должника в деле о банкротстве.

В условиях, когда взыскание в деле о банкротстве, по мнению большинства кредиторов, рассматривается как неэффективное либо когда пассивность кредиторов приводит к выбору по умолчанию продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, это влечет лишение несогласных кредиторов их имущества в виде требований к должнику и обеспечителям, если допустить переход данных требований к приобретателю требования из субсидиарной ответственности. Это будет означать, что такой несогласный кредитор будет вынужден довольствоваться частью дисконтированной суммы, уплаченной приобретателем требования из субсидиарной ответственности, и вместе с тем будет принудительно лишен своего имущества — требования к должнику и лицам, предоставившим обеспечение. В свою очередь, в силу ч. 1–3 ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в соб-

ственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. В силу ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, при выборе варианта толкования суд выбирает то, которое приводит к реализации таких прав и свобод, а не создает препятствия для этого. Поскольку предложенный вариант толкования (переход требований кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности к приобретателю такого требования) приводит к нарушению конституционного права собственности кредиторов должника, подобное толкование не может считаться верным.

Сходная ситуация имеет место и применительно к кредиторам, имеющим текущие требования по отношению к должнику. Такие кредиторы в любом деле о банкротстве лишены участия в определении порядка продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, поскольку соответствующий порядок определяется собранием кредиторов (п. 5 ст. 61.17, п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве). Это означает, что они не могут воздействовать на определение наиболее эффективной модели продажи, лишаясь при спорном толковании также и своих требований к основному должнику, а также к лицам, предоставившим обеспечение. По мотивам, изложенным выше, это свидетельствует о неверности толкования, при котором одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности переходят требования кредиторов к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение.

9. Невозможность истолкования закона таким образом, который противоречит сформированным его текстом разумным ожиданиям участников оборота

Следует также обратить внимание на то, что в ст. 61.17 Закона о банкротстве прямо говорится о распоряжении требованием о привле-

чении к субсидиарной ответственности, а не требованиями к должнику и требованием о привлечении к субсидиарной ответственности. Следовательно, закон вызывает разумные ожидания участников оборота, которые заключаются в уступке лишь требования о привлечении к субсидиарной ответственности, но не требований к должнику вместе с первым. Создавая такие разумные ожидания, законодатель не может предполагать истолкование закона в противоречии с ними. Иное означало бы заведомое включение в текст закона неверно ориентирующих слов и выражений, что могло бы быть использовано против добросовестных участников лицами, желающими извлечь выгоду из несоответствия выражений закона предлагаемому толкованию. Между тем подобное положение вещей не может предполагаться по отношению к такому источнику права, как закон, поскольку коварство вторых не должно приносить им пользы, а простота первых не должна приносить им вреда (Ульпиан).

10. Невозможность истолкования закона таким образом, что вместо улучшения положения кредиторов через институт субсидиарной ответственности имеет место радикальное ухудшение данного положения, а именно потеря статуса кредитора и всего имущества, связанного с должником (права требования)

Требование о привлечении к субсидиарной ответственности является дополнительным способом защиты права кредитора. Оно в принципе не может приводить к тому, что кредитор лишается своего статуса в деле о банкротстве, выходя из него в связи с передачей всех своих требований приобретателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Между тем именно это имеет место в настоящем случае. Требование о привлечении к субсидиарной ответственности по умолчанию подлежит продаже, а значит, в истолковании спорной судебной практики это повлечет за собой потерю кредиторами всех своих требований к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение. Очевидно, что закон не может предполагать, что дополнительный способ защиты права по умолчанию приводит к потере такого права, а потому указанное толкование не является верным.

11. Невозможность истолкования закона таким образом, что субсидиарный должник приобретает требования к основному должнику ранее исполнения субсидиарного обязательства

Именно это имеет место в случае применения спорного толкования при приобретении требования о привлечении к субсидиарной ответственности лицом, аффилированным с субсидиарным должником.

Как следует из п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве, привлеченное к субсидиарной ответственности лицо имеет право обратного требования (регресса) к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр. Следовательно, для того чтобы привлеченное к ответственности лицо приобрело требования к должнику по делу о банкротстве, необходимо, чтобы данное лицо выплатило соответствующую сумму полностью или частично; вместе с тем регрессное требование ограничено суммой выплаченного. Однако в ситуации, когда требование о привлечении к субсидиарной ответственности приобретает лицом, аффилированным с субсидиарным должником, предполагается, что такое требование приобретено самим этим должником. Соответствующий прием, например, использовался в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).

Следовательно, спорное толкование, предполагающее переход требования о привлечении к субсидиарной ответственности одновременно с требованиями кредиторов к основному должнику, вступит в противоречие с иной нормой закона, а именно с п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве. Отсюда следует, что подобное толкование не может иметь места.

12. Решение проблемы соотношения обязательств и иных требований, направленных к удовлетворению единого экономического интереса

Проблема соотношения требований, направленных к удовлетворению единого экономического интереса, решается в зависимости от ситуации без признания таких обязательств солидарными и выведения именно из солидаритета так называемого погашающего эффекта.

Выше были приведены способы разрешения соответствующих вопросов при конкуренции требований — виндикации и оспаривании сделок, при реституции и взыскании убытков с третьих лиц, при оспаривании сделок и взыскании убытков с руководителя контрагента по сделке и т.п. Во всех этих случаях речь идет о прекращении одного из требований после исполнения другого. В случае с поручительством двойного взыскания не образуется за счет прекращения поручительства после исполнения требования основным должником, а также за счет правопреемства на стороне кредитора после исполнения требования поручителем. Само по себе то обстоятельство, что такие требования принадлежат разным лицам (в случае с субсидиарной ответственностью это имеет место только после установления невозможности исполнения основным должником), не может менять их природу. Строго говоря, это возможно и во всех вышеперечисленных случаях при уступке одного из требований: как и ранее, в отсутствие субординации данных требований (что имеет место в случае с субсидиарной ответственностью) первое исполнение будет прекращать второе требование с возможностью цессионария обратиться к cedentu за возмещением своих потерь, если первым получит cedent.

Таким образом, оснований для вывода о переходе одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности требований кредиторов к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение, не имеется. При этом понимание сущности субсидиарной ответственности как последующей ответственности позволяет устранить проблему двойного взыскания, что лишает смысла введение соответствующего правового решения — перехода всех прав к приобретателю — в действующую правовую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егоров А. В. Актуальные проблемы солидаритета в обязательственном праве // *Цивилистика*. 2024. № 2.
Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции. Т. 2 / пер. Е. А. Флейшиц. М. : Издательство иностранной литературы, 1960.

Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020.

REFERENCES

Egorov AV. Current Issues of Solidarity in the Law of Obligations. *Civilistika*. 2024;2:18-35. (In Russ.).
Morander LZ. Civil Law of France. Vol. 2. Transl. by T.M. Fleishits. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury [Foreign Literature Publishing House]; 1960. (In Russ.).

Tololaeva NV. Passive Solidary Obligations: The Russian Approach and the Continental European Tradition. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
edsuvorov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy D. Suvorov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
edsuvorov@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 21 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 3 декабря 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.*

*Received 21.10.2024.
Revised 03.12.2025.
Accepted 15.12.2025.*